

Новыя данныя къ исторіи Новиковскаго кружка.

(Изъ неизданныхъ документовъ).

Въ архивѣ Тургеневыхъ, который находится въ Академіи Наукъ и подаренъ ей П. Н. Тургеневымъ, сыномъ знаменитаго декабриста, Николая Ивановича Тургенева, попался намъ любопытный памятникъ, относящійся къ концу XVIII вѣка, именно тетрадка въ двадцать съ небольшимъ листовъ, хорошо обрѣзанная, въ сѣрой мраморной оберткѣ и со слѣдующимъ заглавіемъ на первомъ листѣ: «Тихвинскіе праздники. 1788». Она исписана прозою и стихами и на второмъ листѣ находится коротенькое посвященіе въ такомъ родѣ:

«Естьли описаніе пріятныхъ происшествій доставляетъ намъ удовольствіе, то я смѣло надѣюсь, что описаніе праздниковъ, торжественныхъ въ послѣднихъ числахъ іюня въ Тихвинскомъ селѣ, принесетъ конечно читателю сіе удовольствіе. Здѣсь увидятъ они пріятныя картины любви, услышатъ сладкій языкъ искренности и ощутятъ чистыя удовольствія и невинныя забавы дружества.—Вы, союзомъ любви, дружбы и братства сопряженные, искренніе друзья! вы особливо можете участвовать въ сихъ удовольствіяхъ друзей вашихъ, и для того вамъ посвящается сіе описаніе ихъ».

Конецъ этого посвященія ясно показываетъ, что произведеніе написано масономъ и посвящается братьямъ-масонамъ,

такъ какъ только о нихъ говорилось: «союзомъ любви, дружбы и братства сопряженныя»,—что мы и увидимъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Ознакомившись съ содержаніемъ, мы поняли, что это описаніе праздниковъ, на которыхъ главнымъ и наиболѣе почетнымъ гостемъ былъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, отецъ декабриста, Н. И. Тургенева. Все описаніе дѣлится на шесть небольшихъ главъ: въ первой авторъ разсказываетъ о томъ, какъ «московскіе друзья, желая видѣться съ друзьями своими въ Тихвинскомъ селѣ и успокоиться отъ городского шума въ пріятной сельской тишинѣ, при берегахъ тихой Сѣверки, вознамѣрились 20 іюня исполнить сіе свое желаніе». Хозяинъ, который былъ въ то время также въ Москвѣ, за семь часовъ ранѣе поспѣшилъ въ деревню для приготовленія къ приему гостей и вечеромъ со всею семьею встрѣтилъ ихъ очень радушно (листы 3—5). Вторая глава посвящена разсказу о томъ, какъ праздновали день рожденія И. П. Тургенева 21 іюня (листы 5—10). Въ третьей главѣ описывается масонскій праздникъ въ Ивановъ день; въ четвертой—храмовой праздникъ (л. 11—13), а пятая посвящена дню тезоименитства Ивана Петровича 28 іюня (листы 13—18); наконецъ послѣдняя, шестая, глава описываетъ окончаніе праздниковъ и отъѣздъ гостей (листы 18—21). Ни имени хозяина, ни именъ гостей, кромѣ Тургенева, въ разсказѣ не упоминается; подписи автора также нѣтъ, но къ счастью въ день отъѣзда одинъ изъ гостей, Теодоръ, на прощанье каждому говорилъ стишки экспромптомъ, и авторъ въ концѣ своего произведенія помѣстилъ ихъ подъ инициалами тѣхъ, кому они были сказаны. Вотъ эти-то инициалы и помогли намъ раскрыть имена хозяина и его гостей.

I.

«Тихвинскіе праздники», произведеніе неизвѣстнаго автора, имѣютъ значеніе біографическое и бытовое; біографическое потому, что, какъ сейчасъ увидимъ, здѣсь изображается дружеская

компанія, группировавшаяся вокругъ Н. И. Новикова, И. П. Тургенева и И. В. Лопухина, знаменитыхъ московскихъ дѣятелей, издателей и масоновъ - благотворителей. Бытовое значеніе это вновь открытое произведеніе имѣеть потому, что даетъ картину интимной жизни лучшихъ, наиболѣе гуманныхъ помѣщиковъ конца XVIII вѣка, ихъ времяпрепровожденіе, забавы и развлеченія.

Что «Тихвинскіе праздники» относятся къ «дружескому обществу» Н. И. Новикова, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Впервыехъ, село Тихвинское, Авдотьино—тожь, гдѣ происходили праздники, было родовой вотчиной Новикова; изъ описанія видно, что оно находилось на берегахъ рѣки Сѣверки, а извѣстно, что и теперь въ Московской губерніи, въ Коломенскомъ уѣздѣ есть село Тихвинское, расположенное на рѣкѣ Сѣверкѣ, впадающей въ Оку. Во-вторыхъ, пня Ивана Петр. Тургенева, близкаго сотрудника Новикова, какъ мы видѣли, не одинъ разъ упоминается въ «Тихвинскихъ праздникахъ». Въ-третьихъ, наконецъ, приложенные въ концѣ описанія инициалы и двустижія, говоренныя экспромптомъ, ясно указываютъ, что праздники, описанные въ найденномъ нами памятникѣ, происходили именно *въ семь* знаменитаго масона-издателя, Николая Ивановича Новикова. Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ инициаламъ, поставленнымъ надъ экспромптами, то подъ ними легко можно угадать членовъ его семьи и друзей. Мы помѣщаемъ здѣсь таблицу этихъ инициаловъ и разгадку ихъ, насколько намъ удалось это сдѣлать:

1. А. Е. Н.—Александра Егоровна Новикова.
2. В. В. Ч.—Василій Васильевичъ Чулковъ.
3. А. И. Н.—Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
4. Г. М. П.—Григорій Максимовичъ Походяшинъ.
5. Н. Л. С.—Николай . . . ?
6. А. А. П.—Александръ Андреевичъ Петровъ.
7. А. И. Х.—Хрущовъ(?), 13—14 лѣтній племянникъ Новикова.
8. Д. И. Д.—Димитрій . . . ?
9. И. Н. Н.—Иванъ Николаевичъ Новиковъ.

Какъ видѣтъ читатель шесть, или семь инициаловъ легко раскрываются, и мы находимъ среди нихъ супругу Новикова, Александру Егоровну, брата его Алексѣя Ивановича, маленькаго сына его Ивана, имѣвшаго тогда около пяти лѣтъ, его малолѣтняго племянника Хрущова и ближайшихъ сотрудниковъ по масонству, по «Дружескому Ученому Обществу» и по «Типографической Компаніи»: В. В. Чулкова, пожертвовавшаго 5000 руб. для Компаніи, Г. М. Походяшина, передавшаго Новикову до 300 тысячъ рублей,—и А. А. Петрова, друга Карамзина, рано похищеннаго смертью и воспѣтаго послѣднимъ подъ именемъ «Агатона». Какъ мы уже знаемъ, былъ среди гостей и Тургеневъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ переводчиковъ и дѣятелей по масонству. Кто были такіе Н. Л. С., Д. И. Д. и Феодоръ, говорившій экспромпты, мы рѣшить не могли и позволяемъ себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя догадки.

Въ упомянутомъ архивѣ Тургеневыхъ сохранились между прочимъ подлинныя письма А. А. Петрова къ Карамзину, худо, разбросанно и даже не цѣликомъ отпечатанныя въ Русскомъ Архивѣ (1863 и 1866 гг.). Въ одномъ изъ этихъ писемъ отъ 1786 года (мы цитируемъ по рукописи) Петровъ сообщаетъ другу въ Симбирскъ, что и онъ «писалъ стихи», но—«поздравительныя», прибавляетъ онъ, какъ бы оправдываясь. Въ другомъ письмѣ (отъ 30 іюня того же года) онъ опять возвращается къ той же темѣ, говоритъ что онъ въ деревнѣ и продолжаетъ такъ: «Одинъ только разъ вспомнилъ я съ сожалѣніемъ, что тебя здѣсь нѣтъ, а именно *во время всеобщаго бдѣнія для срътенія солнца*¹⁾, о чемъ, если полюбопытствуешь, отъ И. П.²⁾ подробнѣе узнаешь». Еще ниже Петровъ говоритъ такъ: «Въ прошедшіе праздники, т. е. въ день рожденія и именинъ И. П. былъ здѣсь великой походъ на стихи. Даже и Н. Л. С. поздравлялъ его стихами. Все то можешь ты услышать отъ И. П. У него жъ

1) Курсивъ нашъ.

2) Т. е. Ивана Петр. Тургенева.

можешь читать и коллекцію стиховъ во всякихъ родахъ и вкусахъ».

Изъ приведенныхъ словъ Петрова мы можемъ сдѣлать нѣсколько выводовъ. Во-первыхъ, уже въ 1786 году день рожденія и тезоименитства Ивана Петровича праздновался торжественно и со стихами, причемъ среди поздравлявшихъ его стихами упомянуть и Н. Л. С., очевидно тотъ самый, инициалы котораго сохранились и въ нашемъ памятникѣ. На этомъ праздникѣ было также много поздравительныхъ стиховъ — цѣлая коллекція, и гости также ходили на *срѣтене солнца*, какъ это рассказано и въ «Тихвинскихъ праздникахъ». Второй выводъ тотъ, что въ числѣ «гратулянтовъ», поздравлявшихъ И. П. Тургенева, были и А. А. Петровъ, редакторъ «Дѣтскаго Чтенія» и переводчикъ «Типографической Компаніи»; слѣдовательно въ нашемъ памятникѣ что-нибудь изъ стиховъ принадлежитъ ему. При этомъ письма Петрова наводятъ на предположеніе — третій выводъ, — что праздники, описанные въ новооткрытомъ памятникѣ — именно тѣ, о которыхъ писалъ Петровъ Карамзину, и что слѣдовательно это было въ 1786 году. Изъ «коллекціи стиховъ во всякихъ родахъ и вкусахъ», сохранившихся у И. П. Тургенева, отъ этихъ празднествъ позже, черезъ два года какой-то редакторъ и составилъ то описаніе, которое у насъ въ рукахъ и носитъ заглавіе «Тихвинскіе Праздники». Таково можетъ быть предположеніе. Но насъ оно не совсѣмъ удовлетворяетъ и вотъ почему: трудно допустить, чтобы только черезъ два года послѣ праздниковъ вздумали ихъ описывать, и это тѣмъ болѣе недопустимо, что въ 1787 году празднованій, подобныхъ тѣмъ, что были въ 1786 году, очевидно не было — по той простой причинѣ, что 27 — 29 іюня 1787 года въ Москвѣ гостила императрица Екатерина¹⁾, и конечно новиковскій кружокъ не могъ спокойно сидѣть въ Тихвинскомъ селѣ; даже если праздники и начались, то они были прерваны пріѣздомъ царицы 27 іюня.

1) Лонгиновъ, Новиковъ и пр., 279.

Такимъ образомъ мы склоняемся къ тому заключенію, что произведеніе «Тихвинскіе праздники», найденное нами, написано именно въ томъ году, который поставленъ въ заголовкѣ, т. е. въ 1788.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, кто былъ авторъ-редакторъ «Тихвинскихъ праздниковъ». Въ этомъ случаѣ можно дѣлать лишь предположенія. Друзья Новикова любили писать стихи, и среди его гостей были три (если не болѣе) «музы», которыя усердно «настраивали свою лиру». Слѣдъ этого настраиванія остался довольно замѣтный, такъ какъ въ описаніи праздниковъ стихи занимаютъ ровно половину всего текста; и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что одна изъ «музъ» и была редакторомъ «Тих. Празд.». Нѣсколько легче рѣшается вопросъ о томъ, кто были эти «музы». Мы уже видѣли, что среди гостей Новикова были А. А. Петровъ и В. В. Чулковъ и что первый поздравлялъ И. П. Тургенева стихами; слѣдовательно хотя одно стихотвореніе да принадлежитъ Петрову — вотъ первая муза. Относительно Чулкова у насъ такой увѣренности нѣтъ, хотя и онъ могъ участвовать въ стихотворныхъ поздравленіяхъ. Но среди гостей Новикова были два лица, несомнѣнно хорошо владѣвшія стихомъ, и вотъ ихъ то мы склонны считать авторами большей части стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Тихвинскихъ праздникахъ». Это были: тотъ Феодоръ, который говорилъ всѣмъ экспромпты, и Дмитрій И. Д., отвѣчавшій Феодору стихами. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь эти стихи — отвѣтъ Д. И. Д., такъ какъ они дадутъ намъ понятіе о личности Феодора и способности Д. И. Д.

Феодоръ нарѣченный,
Намъ Божій даръ священный,
Къ началу воспарилъ.
Небесные дары,
Внутрь нашихъ душъ всаженны,
*Своимъ талантомъ*¹⁾ ты раскрой,

1) Курсивъ нашъ.

И всѣхъ насъ привлеки съ собою
Къ любви, любовью окрыленный.

По приведеннымъ стихамъ, сказаннымъ къ тому же экспромптомъ, можно судить, во 1-хъ, что Димитрій И. Д. былъ недурнымъ стихотворцемъ и, во-вторыхъ, что онъ считалъ Феодора талантливымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія этихъ лицъ; нельзя ли впрочемъ допустить, что Феодоръ, говорившій экспромпты, былъ никто иной, какъ Феодоръ Петровичъ Ключаревъ, ревностный масонъ, близкій другъ Новикова и участникъ «Типографической Компаніи», внесшій въ общій капиталъ 5000 рублей? Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что Ключаревъ, какъ извѣстно, любилъ писать стихи на торжественные случаи; такъ, сохранилась его ода, читанная при открытіи «Дружескаго ученаго Общества», въ 1782 году¹⁾; слѣдовательно онъ былъ какъ бы поэтомъ кружка. Непремѣнный членъ Новиковскаго кружка, онъ ввелъ въ него и Г. М. Походяшина (въ 1787 г.), который, какъ мы видѣли, былъ въ числѣ гостей на праздникахъ въ селѣ Тихвинскомъ. Годъ вступленія Походяшина въ Кружокъ (1787) тоже можетъ служить доказательствомъ, что описанные праздники происходили не ранѣе 1787 года (см. выше). Итакъ, за недостаткомъ положительныхъ указаній, мы съ нѣкоторою долею вѣроятія заключаемъ, что большая часть поздравительныхъ стиховъ въ открытомъ нами памятникѣ принадлежитъ А. А. Петрову, Ф. П. Ключареву и Димитрію И. Д., а можетъ быть также и Чулкову. Они-то и были тѣ три «музы», которыхъ упоминаетъ авторъ разсказа; имъ очевидно принадлежатъ лучшія стихотворенія въ «Тихвинскихъ праздникахъ», то есть: 1) привѣтствіе гостямъ («Подъ игромъ долга жданія»), 2) пожеланіе имъ доброй ночи («Летите прочь отъ насъ, Борей»), 3) первое поздравленіе Ивана П. Тургенева со днемъ рожденія, тетраметръ: «Зря

1) Лонгиновъ, Новиковъ и пр., прил. 9.

натуры ликованье», замѣчательное по глубинѣ религіознаго чувства и напоминающее оду Державина: «Богъ» (напис. 1784 г.) и 4) первое изъ поздравительныхъ стихотвореній въ день ангела того же Тургенева («Іоанномъ нарѣченный»). Всѣ эти стихотворенія принадлежатъ «первой музѣ», самой талантливой и наиболѣе плодотворной. Остальныя двѣ «музы» писали уже слабѣе, особенно третья. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, присяжныхъ музъ, именинника поздравляли еще четыре лица, изъ которыхъ одно навѣрно принадлежало къ духовному званію, потому что выраженія и слова его стихотворенія напоминаютъ проповѣдь, уснащенную церковно-славянскими, и такъ какъ это стихотвореніе особенно уродливо, то мы думаемъ, что оно принадлежитъ тому Н. Л. С., о которомъ Петровъ говорилъ въ письмѣ къ Карамзину, что даже онъ поздравлялъ стихами. Экспромптъ, сказанный этому Н. Л. С., также наводитъ на мысль о его духовномъ званіи или на то, что онъ былъ семинаристъ:

«Въ семь мірѣ плоть и кровь воюя низлагай
И буди пменемъ и дѣломъ Николай»—

такъ очевидно можно сказать только о духовномъ лицѣ. Приводимъ здѣсь и стихотвореніе Н. Л. С., чтобы показать, насколько оно уродливо и богато славянскими.

Поздравительные стихи Н. Л. С.

Древня примѣра послѣдствомъ
Симъ ты поздравствовать средствомъ
Днесъ я доблественно предпринимаю,
Крайне усердно всѣхъ благъ ти желаю,
Драгій о именинниче,
И всѣхъ насъ любильниче!
Благоденствуй всегда по премногу;
Все, что поволишь, бери ты изъ рогу,
Кой изобиліе носить;
Въ даръ ти стишки сіи приносить

Вѣрный твой читатель

Да и любитель.

Коль не угоденъ тебѣ сей даръ мой некрасный,
Вергни ты на полъ его, трудъ какъ напрасный,
Самъ же нутка покушай!

Не зная ни имени, ни фамиліи автора «Тихвинскихъ праздниковъ», мы можемъ однако сдѣлать его общую характеристику, наблюдая тонъ и ходъ мыслей его разсказа. Онъ несомнѣнно былъ очень расположенъ къ Ивану Петровичу Тургеневу; это видно изъ самаго разсказа и изъ того факта, что онъ потрудился описать праздники, героемъ которыхъ былъ Тургеневъ. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ выражается о немъ: «Слѣдующее утро, исполненное величественныхъ красотъ, вывело съ собой новый, радостный друзьямъ нашимъ день, который есть день рожденія друга ихъ И. П. Т. Любовь, для которой день сей былъ толь вожделѣнъ и радостенъ, не могла не предпринять всевозможныхъ способовъ отличить его отъ прочихъ» и т. д. Если авторъ не былъ ни Петровъ, ни Ключаревъ, ни Д. И. Д., то по всей вѣроятности онъ былъ изъ той арміи переводчиковъ, которые помогали Новикову въ его издательской дѣятельности. Имена ихъ забыты, но среди нихъ были люди не безъ дарованій, и можетъ быть въ ихъ средѣ надо искать Димитрія И. Д., а также и Теодора, говорившаго экспромпты, если только это не былъ Ключаревъ. Одно несомнѣнно, что авторъ «Тихвинскихъ праздниковъ» былъ масонъ. Онъ глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ и большой поклонникъ красотъ природы. Вотъ каковъ, на примѣръ, тонъ его разсказа: «Вечеромъ (21 іюня) всѣ гости ходили гулять и во время гулянья разсматривали красоту полей, луговъ и лѣсовъ при величественномъ захожденіи солнца; а иные изъ нихъ, видя благословеніе и дары Небесъ на нивахъ нашихъ, возносили въ сердцахъ своихъ безмолвное благодареніе Подателю всѣхъ благъ, и въ такомъ чувствованіи возвратились въ покои». Восторженное поклоненіе предъ Богомъ—черта, свойственныя ма-

сонамъ, — тоже неоднократно проглядываетъ въ «Тихвинскихъ праздникахъ»; особенно это ярко выражается въ упомянутомъ выше тетраметрѣ; вотъ его начало:

«Зря природы ликованье,
 Чистымъ воздухомъ дыша,
 Устремил свое желанье,
 Полная огнемъ душа,
 Къ прославленію Владыки,
 Дивнаго въ дѣлахъ святыхъ» и т. д.

II.

Теперь переходимъ къ бытовой сторонѣ разбираемаго памятника. Онъ даетъ драгоценныя свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ русскихъ помѣщиковъ конца XVIII вѣка, т. е. въ эпоху усиленія и наивысшаго расцвѣта крѣпостного права. Помѣщики, возложивъ все тягости на своихъ крѣпостныхъ, оставили себѣ пріятное право жить свободно и, надо отдать имъ справедливость, умѣли наполнить свою жизнь всякими наслажденіями. Въ средѣ лучшихъ помѣщиковъ конца XVIII вѣка пробуждаются интересы къ литературѣ и всехъ обуреваютъ страсть къ стихотворству. Въ нашемъ памятникѣ это обнаруживается достаточно ясно. Пріѣзжаютъ гости въ Тихвинское — радостная муза, «въ изъявленіе своихъ чувствованій», воспѣла это событіе въ 48 стихахъ, довольно звучныхъ; пошли гости спать — муза провожаетъ ихъ тоже стихами; наступилъ день рожденія одного изъ гостей — три «музы» наперерывъ привѣтствуютъ этого гостя; наступаютъ его именины — опять стихи и на этотъ разъ не только отъ присяжныхъ музъ, но и отъ другихъ гостей, повидимому вовсе незнакомыхъ даже съ правилами стихосложенія. Обычай и страсть къ стихамъ были таковы, что даже дѣти хозяина говорятъ стихи:

«Въ деревнѣ въ деревню

Послѣдуйте намъ» или:

«Любезный другъ, мы васъ съ рожденьемъ поздравляемъ;

Вамъ долго жить

И всѣхъ любить

Со искренностію намъ свойственной желаемъ».

Или: «Живи и наслаждайся,

Въ священный храмъ войди» (говорить дочь хозяина)

«И въ немъ любовь найди,

Вѣнцомъ изъ розъ вѣнчайся».

Горитъ фейерверкъ — и тамъ блеститъ надпись со стихами; наконецъ передъ отѣздомъ гостей одинъ изъ нихъ экспромптомъ говоритъ каждому двустишіе. Однимъ словомъ манія къ стихамъ. Содержаніе стиховъ проникнуто сентиментальнымъ чувствомъ; чуть не въ каждой строчкѣ вы встрѣтите слова: «любовь», «нѣжный», «искренняя простота» и т. д. Въ видѣ образца приводимъ первое стихотвореніе, привѣтствующее пріѣздъ гостей:

1. «Подъ игомъ долга жданья
Томившихся сердець
Свершился желанья,
Свершились наконецъ:
Мы въ часъ срѣжаемъ сей
Грядущихъ къ намъ друзей.
2. Какъ утрення денница,
Вечеря какъ заря,
Такъ ихъ сіяютъ лица,
Любовію горя:
Любовь имъ предтечетъ,
Любовь во слѣдъ грядетъ.
3. О часъ желанный нами,
Утѣхъ драгихъ весна!

Сіяй ты межъ часами,
 Какъ между звѣздъ луна.
 Пролейся сладкій миръ,
 Какъ пѣжный въ грудь зефиръ.

4 Весельемъ облекитесь
 Вы, Сѣверски брега;
 Во всей красѣ явитесь
 Цвѣтушіе луга:
 Излейте свой бальзамъ
 Во чувствія друзьямъ.

5 Пѣвцы лѣсовъ тѣнистыхъ,
 Возвысьте гласъ свой днесь;
 Начните въ тонахъ чистыхъ
 Торжественную пѣснь.
 Внушите вы гостямъ,
 Сколь мнѣ приходъ ихъ намъ.

6 Любовь васъ ждетъ—грядите,
 Возлюбленны друзья;
 Спѣшите къ ней, спѣшите
 Въ объятія ея.
 Удвойте въ ней восторгъ,
 Вступивъ въ ея чертогъ.

7 Тамъ искренность сіяетъ,
 Какъ чистая лазурь;
 Миръ тронъ свой утверждаетъ,
 Не зная дикихъ бурь.
 Коварныхъ рѣчь устенъ
 Межъ сихъ не слышна стѣнъ.

8 Друзья, возвеселитесь
 Въ счастливой сей странѣ,

И мира насладитесь
Въ желанной тишинѣ.

Любви составьте пиръ
При звукѣ сельскихъ лиръ.

Общество, выведенное предъ нами въ открытомъ памятникѣ, несомнѣнно масонское, какъ это и надлежитъ быть новиковскому кружку. Поэтому они празднуютъ масонскій праздникъ, Ивановъ день (24 іюня) весьма торжественно, и празднику этому отведена въ разсказѣ третья (небольшая) глава. Вотъ короткое описаніе этого празднованія.

«Послѣ пріятныхъ разговоровъ сѣли за вечерній столъ, гдѣ при первомъ питіи за здоровье всѣхъ вообще имянинниковъ приглашена была отъ всѣхъ торжественная пѣснь сего знаменательнаго дня: *Какъ лиры жителей небесныхъ*. При второмъ питіи за здоровье всѣхъ російскихъ учениковъ и мастеровъ пѣли: *Насталъ желанный день*. Наконецъ при третьемъ за здоровье начальниковъ всѣхъ російскихъ мастеровъ восклицали всѣ громогласно: *о братство дружбой сопряженно*. — Послѣ пѣты были «и другія пѣсни, возвышающія духъ и веселящія сердца друзей, союзомъ любви и братства сопряженныхъ». (Листъ 10—11). Масонскій характеръ общества обнаруживается и въ томъ, что въ храмовой праздникъ роздана была милостыня въ широкихъ размѣрахъ.

Какъ мистики, друзья Новикова наклонны были видѣть въ томъ или другомъ явленіи природы нѣчто необыкновенное, таинственное. Такъ, закатъ солнца наканунѣ храмоваго праздника (25 іюня) поразилъ ихъ тѣмъ, что на ясномъ небѣ появилось черное густое облако, ставшее въ видѣ высокаго столба, при чемъ «сверкала молнія безъ грома». Одинъ изъ гостей даже нарисовалъ на лоскуткѣ бумаги эту картину заката солнца и отдалъ хозяину. Гости ходили также на близъ лежащую гору встрѣчать восходъ солнца, «царя природы». О «срѣтеніи солнца» упоми-

наеть и Петровъ въ упомянутыхъ письмахъ къ Карамзину еще въ 1786 году. Слѣдовательно, у масоновъ новиковскаго кружка подобныя «срѣтенія» были въ обычаѣ. Въ нашемъ памятникѣ говорится при этомъ, что гости пѣли величественный гимнъ «Коль славенъ Господь въ Сионѣ», а одинъ изъ нихъ, можетъ быть Н. Л. С., читалъ псаломъ «Хвалите Господа съ небесъ». Памятникъ даетъ кое что и для характеристики хозяина. Оказывается, Н. И. Новиковъ былъ тароватымъ и дѣятельнымъ не только въ издательской и масонской области, но также и въ житейской, обыденной сферѣ. Надо видѣть, какъ ловко и остроумно устраивалъ онъ обстановку праздниковъ. Онъ приготовилъ блестящія фейерверки; къ храмовому празднику онъ приказалъ нарвать въ саду розановъ, левкой, калуферу, лавендуль и другихъ благовонныхъ цвѣтовъ, а въ поляхъ набрать великое число васильковъ, дѣлать изъ нихъ разныя гирлянды и плестъ вѣнки, украшать ими въ церкви царскія двери и иконостасъ, по полу разсыпать зеленую, съ полевыми цвѣтами смѣшанную траву, а колокольню, паперть, южное и сѣверное крыльца иллюминировать; чѣмъ онъ съ однимъ изъ гостей занимался до самаго всепоцнаго».

Обѣдало у него въ храмовой праздникъ 38 человекъ гостей, а какъ истинный масонъ, вѣрующій съ силу милостыни, Новиковъ накормилъ «всѣхъ пищихъ, которыхъ было 904 чел.», и послѣ далъ каждому изъ нихъ по 10 копѣекъ.

На балконѣ устроена была бесѣдка, куда хозяинъ пригласилъ гостей послѣ обѣда «къ дезертному столу»; и въ бесѣдкѣ этой полъ устланъ былъ травою, на стѣнахъ «въ два ряда были поставлены горшки съ розами, левкоями, гвоздиками, бальзаминами, астрами разныхъ родовъ и прочими цвѣтками; а на ступеняхъ крыльца и передъ покоями по всему берегу рѣки стояли въ горшкахъ же померанцовыя, вишневыя и другія деревцы. Желѣзные прутья, на которыхъ висѣлъ зонтикъ надъ балкономъ, увиты были долгою осокою такъ искусно, что издали казались они пальмами». Таковы «затѣи сельской простоты» и таково было

искусство радушнаго хозяина. Изъ предложеннаго описанія мы видимъ образцоваго хозяина—помѣщика, у котораго всего много, и жизнь устроена удобно и уютно. Изобрѣтательность Новикова видна и въ томъ, какъ онъ обставилъ празднованіе именинъ Тургенева. Послѣ того какъ дружественныя музы поднесли свои стихи, «вошли въ столовую дѣти хозяина; на головахъ ихъ были васильковыя вѣнки, а шея, грудь и руки ихъ перевязаны были разноцвѣтными гирляндами. Они шли тихо къ столу, ухватя другъ друга за руку, а въ другой рукѣ несли розовый вѣнокъ. Подошедъ къ имениннику и сказавъ ему:

(Варвара) ¹⁾

Живи и наслаждайся,
Въ священный храмъ войди,

(Иванъ) ²⁾

И въ немъ любовь найди,
Вѣнцомъ изъ розъ вѣнчайся!

Надѣли на него розовый вѣнокъ и, принявъ чашу съ виномъ, подносили торжествующимъ».

Въ саду для именинника и гостей устроена была бесѣдка, «нарочно сдѣланная для сего торжества. Она сплетена была изъ зеленыхъ березовыхъ вѣтвей. Стѣны ея внутри украшены цвѣтами всякихъ родовъ, какіе только были въ саду. Полъ и вся аллея, по которой имениннику надлежало идти въ нее, были усѣяны цвѣтами жъ». Вечеромъ въ честь именинника «представленъ былъ великолѣпный фейерверкъ на берегу за рѣкою противъ дому, во время горѣнія котораго муза изъявила чувствованія свои виновнику сего торжества въ слѣдующей надписи:

1) Варвара — старшая дочь Новикова; ей въ 1788 г. было около 5 лѣтъ.

2) Иванъ — сынъ Новикова; ему въ 1788 г. было около 6 лѣтъ. См. Тихонравов. Лѣтопись рус. лит., вып. V.

Любовь днесъ чрезъ сія огни изображаетъ [таетъ.
 Тотъ нѣжный пламень, чѣмъ къ тебѣ въ насъ сердце
 Онъ пылко въ насъ горить,
 Подобенъ симъ огнямъ;
 Онъ сердце веселить;
 Имъ жизнь любезна намъ» и т. д.

Новиковъ былъ неутомимъ въ чествованіи друга: мало того, что сожгли фейерверкъ — открылась иллюминація. «Господской дворъ, всѣ жилия людскія покои и оба берега рѣки противъ дому и саду были иллюминированы. Народъ, восхищенный такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, всѣми знаками старался изобразить радостныя свои движенія. Иные пѣли простыя свои пѣсни, другіе играли на свирѣляхъ; а иные, плавая по рѣкѣ въ лодкахъ, которыя всѣ также были освѣщены, возносили въ различныхъ тонахъ гласы радости и удовольствія».

Но открытый памятникъ показываетъ, что Новиковъ, былъ также и предусмотрительный, заботливый помѣщикъ. Наканунѣ храмового праздника открылась въ селѣ ярмарка; и вотъ Новиковъ вмѣстѣ съ гостями отправился туда послѣ обѣда и расхаживалъ по «многолюдной ярмаркѣ, дабы чрезъ то удалить всякую неблагопристойность и безчиніе, могущіе случиться въ народѣ».

Что Новиковъ очень любилъ и цѣнилъ И. П. Тургенева, это достаточно ясно видно изъ описанія Тихвинскихъ праздниковъ. Любовь эту онъ сохранилъ и впоследствии, когда Ивана Петровича уже не было въ живыхъ; въ 1814 году, въ письмѣ къ Александру Ивановичу Тургеневу, онъ называетъ его отца своимъ сердечнымъ другомъ. У него сохранился портретъ Ивана Петровича, и Новиковъ, даря его сыну своего друга, снимаетъ съ него предварительно копию (Архивъ Тургеневыхъ).

Въ такихъ чертахъ рисуется предъ нами жизнь лучшихъ помѣщиковъ конца XVIII вѣка. Жизнь веселая, исполненная праздниковъ, забавъ и изящныхъ наслажденій, получаемыхъ и

отъ природы и отъ поэзіи. Кажется, ничто не нарушало веселости ихъ жизни. Какъ видно изъ нашего памятника, жизнь ихъ блаженна подобно жизни аркадскихъ пастуховъ. Лишь одинъ фактъ, одно упоминаніе вторгается диссонансомъ въ чарующую картину этой жизни. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о томъ, что гости въ концѣ праздниковъ (29-го) посѣщали пріятныя мѣста въ окрестностяхъ села, а послѣ ужина въ 12 часу ѣздили въ лодкахъ смотрѣть «извѣстную горящую печь, которая складена была въ каменной горѣ на берегу рѣки. Она въ ночной темнотѣ представлялась великолѣпными разноцвѣтными фейерверками. Разсматриваніе силы пламени и тяжкаго труда, съ какимъ работники обжигаютъ ее, подало друзьямъ нашимъ случай къ важнымъ размышленіямъ. По довольномъ разсмотрѣніи сего (зачеркнуто: страшнаго) зрѣлища возвратились домой во 2 часу по полуночи».

Въ открытомъ нами памятникѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на бытъ крестьянъ, на тяжесть ихъ жизни и труда, и это въ то время (1788 г.), когда крѣпостное рабство достигло своего апогея и когда Радищевъ писалъ свое знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», эту картину помѣщичьяго произвола и народнаго страданія. Но нашъ памятникъ все-таки не искажаетъ дѣйствительности, онъ изображаетъ среду такихъ идеальныхъ помѣщиковъ, какими былъ Новиковъ, Тургеневъ, Гамалія и Лопухинъ, вообще московскіе мартинисты; а у нихъ крестьянамъ жилось хорошо, и, можетъ быть, этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ, напр. Лопухинъ и Карамзинъ, идеализировали и защищали крѣпостное право. Нашъ памятникъ не даетъ точныхъ свѣдѣній¹ объ отношеніи Новикова къ своимъ крѣпостнымъ, но изъ другихъ источниковъ, напр. изъ письма его младшей дочери, Вѣры Николаевны, къ А. И. Тургеневу (отъ 1818 г.), мы знаемъ, что крестьяне села Тихвинскаго были «довольно зажиточны», потому что, говоритъ Вѣра Николаевна: «опеченіе о нихъ родителя моего было истинно отеческое. По вступленіи моемъ въ хозяйство я же заплатила

нѣсколько сотъ рублей за муку для нихъ, взятую имъ въ долгъ» (Архивъ Тургеневыхъ). Затѣмъ очень хорошо извѣстно, что въ 1787 году, въ эпоху страшнаго голода, Новиковъ, собравши пожертвованія отъ друзей-масоновъ (особенно отъ Походяшина), скупалъ хлѣбъ и производилъ безденежную раздачу его бѣднымъ въ Москвѣ и въ своемъ селѣ Авдотинѣ-Тихвинскомъ, «приводя публику въ изумленіе такими размѣрами благотворительности»¹⁾.

Въ «Тихвинскихъ праздникахъ» рисуется счастливый періодъ жизни Новикова и его кружка; къ сожалѣнію скоро онъ обрывается, и для нихъ наступаетъ тяжелая эпоха преслѣдованій и неудачъ, окончившаяся, какъ извѣстно, полнымъ разгромомъ «Типографической Компаніи» въ 1792 году, заточеніемъ Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость и ссылкой И. П. Тургенева въ его симбирскую деревню, гдѣ онъ оставался до воцаренія имп. Павла. Болѣе всѣхъ пострадалъ самъ Новиковъ и его семья: онъ просидѣлъ въ крѣпости четыре года и возвратился оттуда разоренный и съ совершенно надломленнымъ здоровьемъ. Пострадали и двое дѣтей его, Иванъ и Варвара, упомянутые въ нашемъ памятникѣ: оба они съ момента ареста ихъ отца и до конца жизни подвергались припадкамъ эпилепсіи.

Е. Тарасовъ.

8 мая 1908 г.

1) Лонгиновъ, Новиковъ и москов. мартинисты, с. 279.